

Прагмасемантика цифровых коммуникаций: смысловые картины мира, ценностно-регулятивные системы и ответственность

Г.Л. Тульчинский

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» –
Санкт-Петербург, Балтийский федеральный университет им. И.Канта

gtul@mail.ru

Аннотация

Цифровой формат смещает акцент социальной коммуникации с трансляции социальных (нормативных) значений на презентацию личностных смыслов (эмоционально-оценочных мнений и переживаний). Это порождает проблему баланса между, с одной стороны, институтом свободы слова и совести, техническими возможностями их выражения, с другой стороны – необходимостью обеспечения личностной и институциональной безопасности, минимизации репутационных рисков, других издержек. Верификация или опровержение этого контента зависит от социально-культурного контекста, соответствующих смысловых картин мира, представления о значимой реальности, которые свойственны для данной общности. В ситуации формализации информационной базы коммуникации возникает вопрос о возможности систематизации смысловых картин мира, их структурировании и привязке к социально-культурным практикам. Для такой систематизации предлагается концепция ценностно-регулятивных систем (ЦРС), позволяющая операционализировать идею смысловых картин мира. Современные коммуникативные технологии создают уникальную ситуацию. Во-первых, это возможность глубокой дивергенции ЦРС различного уровня и практик. А во-вторых, возможность их пересечения и наложения. В результате рассмотрения указанных проблем автором выявлен вектор (тенденция) трансформации социальной коммуникации с акцентирования трансляции социальных (нормативных) значений на презентацию личностных смыслов (эмоционально-оценочных мнений и переживаний). Тем самым, сетевые коммуникации создают, если не умножают, конфликты различных смысловых картин мира, связанных с различными ЦРС. Таким образом, возникает нетривиальная проблема результатов этого взаимодействия и ответственности за эти результаты. Это выражается в необходимости нового осмысления ответственности – не только как социального института, но и проявления субъектности, как источника, средства и результата социальной коммуникации.

Ключевые слова: ответственность, прагмасемантика, смысловые картины мира, социальная коммуникация, фейки, ценностно-регулятивные системы, цифровизация

Библиографическая ссылка: Тульчинский Г.Л. Прагмасемантика цифровых коммуникаций: смысловые картины мира, ценностно-регулятивные системы и ответственность // Государство и граждане в электронной среде. Выпуск 6 (Труды XXV Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2022, Санкт-Петербург, 23–24 июня 2022 г. Сборник научных статей). – СПб.: Университет ИТМО, 2022. С. 09 – 23. DOI: 10.17586/2541-979X-2022-6-09-23.

1. Постановка проблемы

Социальная коммуникация всегда играла ключевую роль в жизни общества, в формировании и развитии личности. Однако современные информационно-коммуникативные технологии в цифровых форматах задают новую расстановку акцентов в этой роли. Так, в последнее время повышенное внимание, особенно применительно к электронным социальным сетям, новым медиа, уделяется тематике «фейков (fake – подделка, фальшивка, обман) и «постправды» (точнее – постистины, post-truth) [1; 2]. И если последняя представляет интерес, в большей степени, для аналитиков и экспертов, то фейки составляют предмет активного законотворчества и правоприменения – вплоть до все более жестких правовых актов. Эта тематика вызывает к актуальнейшим острым проблемам манипулирования общественным сознанием, осмыслению выхода на передний план технологий маркетинга подталкивания (nudge), опирающегося на возможности Big Data, и детализированную кластеризацию экономических и политических рынков, доходящую до индивида, что открыло широкие возможности для недобросовестного бизнеса, политического популизма. Между тем, в постановке проблемы, самой используемой терминологии немало поверхностной публицистичности в ущерб полноценному анализу. Однако то, что понятно и допустимо в публицистике, блогосфере, не всегда оправдано в научном анализе, экспертизе.

Как представляется, за поверхностным подходом в дискурсе «постправды» кроется несколько обстоятельств. Во-первых, это, очевидная дань популярности префикса «пост-» (постмодерн, постмодернизм, постгуманизм, постсекуляризм и т.п.), этикетирующего тему, но не раскрывающего ее содержание, проблемы. Во-вторых, это очевидный кризис позитивистской ориентации в социальных науках, осознание необходимости учета зависимости интерпретации фактов, самой их идентификации от социально-культурного и политического контекстов [3-10]. В этой связи, в-третьих, и это главное, оба отмеченных фактора микшируют суть реальной проблемы, необходимость конструктивного анализа и осмысления содержания транслируемой информации с учетом контекста способов этой трансляции, мотивации авторов этого контента.

В данной работе предлагается подход к реализации такого анализа. Он опирается на концепцию «прагмасемантики» [11, р. 247-248] как комплекса и интерфейса смыслообразования, увязывающего анализ содержания и значения текста с контекстом социально-культурной практики его использования. Предпосылки такого подхода были разработаны международным коллективом в рамках исследовательской программы, поддержанной грантом РФ № 18-18-00442 «Механизмы смыслообразования и текстуализации в нарративных и перформативных дискурсах и практиках» [12] и продолженной в рамках гранта РФ № 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования». Конкретизацией прагмасемантического подхода, во-первых, выступает предлагаемый концепт ценностно-регулятивных систем (ЦРС), обобщающий ранее предложенные идеи «функциональных систем» [13] «нормативных систем» [14], «нормативно-ценностных систем» [15, с. 52-62] и «логономических систем» [16-18], а во-вторых, концепция глубокой семиотики (deep semiotics) [19; 20], расширяющая социальную семиотику измерением личностной субъектности как источника, средства и результата семиозиса.

В дальнейшем изложении решаются три задачи: (1) выявление того, что качественно новое вносят современные цифровые технологии в содержание социальной коммуникации; (2) как может быть конкретизировано и операционализировано соотношение различных интерпретаций транслируемого контента; (3) какие в этой связи возможны гарантии личностной и институциональной ответственности за этот контент. В соответствии с этими задачами и выстроена структура работы. Проводимое рассмотрение в меру возможности объема статьи сопровождается конкретными кейсами, раскрывающими рассматриваемую проблематику.

2. От социальных значений к эмоционально-оценочным переживаниям: дисбаланс прав и ответственности

Если информация – некие данные, мера разнообразия, то, что измеряется в битах, байтах, килобайтах, мегабайтах и передается с помощью технических устройств, обеспечивающих информационные обмены, в том числе и с помощью кодировки [21], то коммуникация – обмен информацией, осмысленной кем-то и как-то, в каких-то целях и контекстах. Поэтому смысл всегда обусловлен определенными практиками (фреймами, паттернами), задающими контекст транслируемого содержания (коммуникативного контента). В этом плане, коммуникация всегда мотивирована, интенциональна, связана с намерениями – со стороны как источника (адресанта), так и реципиента (адресата).

Применительно к транслируемому содержанию принципиальная новизна современной коммуникативной ситуации состоит в том, что цифровые технологии обеспечили невиданные ранее доступ к информации, оперативность и масштаб ее позиционирования.

Если еще в конце прошлого-самого начале настоящего столетия доступ новостной информации обеспечивали традиционные средства массовой информации (пресса, радио, телевидение), где эта информация собиралась, проверялась, препарировалась редакторами и журналистами, то в наши дни практически любой обладатель гаджета имеет возможность не только ознакомиться с массой информации, ранее труднодоступной, но и сам выступить в качестве источника информации или ее интерпретатора. Выражаясь в терминах «глубокой семиотики» (deep semiotics), как расширения аппарата социальной семиотики, можно сказать, что если раньше традиционные медиа воспроизводили социальные значения, в определенной степени инвариантно нормативные, и которые переводились в план личностных смыслов реципиентов, то новые медиа представляют в публичном пространстве сами личностные смыслы в виде непосредственно презентуемых эмоционально-оценочных переживаний. Собственно, эта ситуация и является питательной средой, бэкграундом «постправды» и «фейков», за которыми не только расчетливое манипулирование, но и шутки, поспешные реакции, наивное доверие, непроверенные факты, спекуляция на оскорбленных чувствах... И все это не утверждения, а только мнение, на которое его транслятор «имеет право».

Зависимость транслируемого и воспринимаемого контента от намерений – фундаментальная характеристика коммуникации, проблематизирующая фактчекинг как тест транслируемого содержания. Типология намерений весьма и весьма обширна: от интересов бизнес и политических акторов до личностных мотиваций.

Это может быть стремление привлечь внимание, как в рекламе торговой сети Sunlight, много лет сообщавшей о скидках – в связи с «ликвидацией» своих магазинов [22]. В данном случае явно ложное сообщение, которое, однако, не создает угрозу причинения вреда жизни, здоровью и имуществу граждан и не подпадает под правовую квалификацию фейка, подлежащего административному наказанию. Но возможно использование сообщений с целью нанести вред конкурентам в политике, бизнесе, науке, нанести ущерб их делу, имиджу и репутации. В намерения может входить нежелательность возможной ответственности за последствия активированной коммуникации. Более того, сами выявляемые намерения – результат реализации намерений аналитика и интерпретатора. Возможна ситуация, когда намерения наслаиваются друг на друга, порождая масштабные трагедии. Так, 13-летняя девочка из мусульманской семьи в городе неподалеку от Парижа часто прогуливала занятия и однажды соврала своему строгому отцу, что якобы учитель истории Самюэль Пати на уроке по свободе слова решил показать детям карикатуру на пророка Мохаммеда, а когда девочка стала спорить с учителем, тот отстранил ее от занятий на два дня. Возмущенный отец выложил в Facebook несколько своих гневных обличительных видео, в которых назвал Пати «бандитом», призвав к его увольнению и сообщив, где находится колледж. К его призывам подключился исламский радикальный активист. На эти посты обратил внимание 18-летний Абдуллах Анзоров, переехавший еще

ребенком во Францию из Чечни. 16 октября 2020 года Анзоров убил Пати, обезглавив его на территории колледжа. При попытке задержания Анзоров был застрелен полицией.

Во Франции прошли многотысячные акции памяти Пати. Учителя посмертно наградили высшим знаком отличия Франции – орденом Почетного легиона. А в мусульманских странах началась кампания против французских властей и лично президента Э. Макрона – их обвинили в оскорблении религиозных чувств мусульман. Действия французских властей резко осудил известный своей воинственностью глава одного из российских регионов. Тело Анзорова было вывезено на родину и похоронено в форме традиционного ритуала. Медийно раскрученный боец ММА выложил в сетях фотографию Макрона, сопроводив ее текстом: «Да обезобразит Всевышний лицо этой твари и всех его последователей, которые под лозунгом свободы слова оскорбляют чувства более полутора миллиардов верующих мусульман» [23]. Так, детская закомплексованность и воображение породила цепочку заявлений и событий, вовлекая новых и новых людей, в результате чего мелкая бытовая детская лож разрослась до трагедии международного масштаба.

В социально-политической жизни правда на ином уровне рассмотрения способна предстать своей противоположностью. Убийство есть преступление, грех. Убийца – преступник. Добавляем «за Отечество» – и это уже герой. Убийство за чужое отечество – злодейство, за свое – подвиг, а убийца 100 000 человек – герой и маршал... Не менее важны образование и кругозор. И это касается не только знания истории, но и географии, физики. Даже после средней школы у людей существенно разные представления о мире и обществе.

Чем и важен, и полезен анализ фейков для теории и практики коммуникации – что он выводит на первый план ключевые характеристики, факторы и предпосылки коммуникации [24]. Например, проблему смысловых картин мира, в коммуникации транслирующихся и ею формируемых.

3. Операционализация смысловых картин мира: ценностно-регулятивные системы

Дело не в фактчекинге, а в факторах, определяющих конкретные интерпретации. «Чистой правды (истины)» нет и никогда не было, хотя бы в силу недоступности человеку всей полноты знания. Сами верификация или фальсификация на основе фактографии, как и сама фактография могут рассматриваться с разных позиций, критиковаться, оспариваться. Даже в естествознании верификация данных зависит от интерпретаций, заложенных в самом языке описания, определяется используемыми методами и инструментами. Так и в социальных науках исследуется скорее «правда+» и «правда-». В первом случае это – факт с добавками, упакованный в оценку, интерпретацию и т.д. Или к факту добавляется еще другие факты, с ним не связанные, но придающие иное звучание. Или комбинация факта и фрагмента художественного фильма, упоминание известного литературного героя, персонажа. Во втором случае – факт с изъятиями, умолчаниями деталей. Но в обоих случаях это не «пост», а скорее «мета» и «пре». А по сути дела, это – мнения, некие смыслы, которые можно и нужно далее анализировать на предмет соотношения с целями, намерениями, установками, исходными и доминирующими установками.

Представления о мире и «правде» как соответствии ему формируются в социальной коммуникации, являются ее продуктом, формируя смысловую картину мира, свойственную данному социуму, сообществу. Мир устной и отчасти письменной коммуникации соотносился с реальностью посредством описания ситуаций, апеллирующих к непосредственному опыту личности, вызывая соответствующие ассоциации. Фильтром достоверности выступал сам человек, его окружение. С возникновением печати добавился авторитет автора, издателя, а потом и журналиста. Появление кино, ТВ и экранной культуры добавило наглядной убедительности в формировании смысловой картины мира. Именно фильмы, а потом и сериалы стали первичным фоном, средством и критерием осмысления

реальности. На этом и основаны возможности кино и телепропаганды, используемые до сих пор.

Возникновение электронных социальных сетей, блогосферы радикально изменило ситуацию. И не только потому, что возросло количество информации, изменилось само ее качество. Каждый блогер, каждый пользователь вносит свой контент, свое понимание и свою правду. Если редакции, цензура фильтровали информацию на предмет соответствия принятой или доминирующей картине мира, то теперь такой фильтр на выходе информации практически отсутствует. Современного автора информации интересует не соответствие реальности, а соответствие поставленной перед ним задачи воздействия. А перед троллями, заполонившими мировую сеть, зачастую ставятся вполне конкретные политические и бизнес-задачи провокации, диффамации, в лучшем случае – задачи отвлечения внимания от сути обсуждаемого [25; 26].

Арсенал таких технологий чрезвычайно широк: адекватный контент в неадекватном контексте; ссылки на псевдоисточники; ложная, но яркая поданная информация; «скорректированная» реальная информация; осмеяние; несоответствие заголовков материалов их содержанию... Эти приемы хорошо известны в рекламе, пропаганде. В этом плане, фермы троллей, ботов и политические ток-шоу решают одну и ту же задачу – рассказывают о событиях, зачастую не имеющих отношения к непосредственной жизни людей, в определенном смысле – о фэйковой жизни. Поэтому тема фэйков пришла в очень подготовленный для них мир. Но в этом и состоит роль фэйков – отвлечь от реальных насущных проблем, вытеснив из сознания эти проблемы информационным спамом, тем самым, формируя мотивацию к решению фэйковых проблем, а в результате – формируя фэйковую реальность. Важно и то, что фэйк выражает преимущественно информацию негативного характера: отрицательные факты вызывают больший интерес, чем позитивные – хотя бы в силу безопасности как базовой ценности социогенеза. Поэтому фэйковая постправда в немалой степени способствует нагнетанию атмосферы аларма и хорроризации.

Факторы возникновения и проявления фэйкового контента достаточно разнообразны. Некоторые в той или иной степени использовались в политической коммуникации всегда: пропаганда, осмеяние, дезинформация, прямой обман и другие хорошо известные формы манипулирования. Но некоторые факторы связаны именно с возможностями цифровых информационных технологий.

Такие возможности, усугубляющие ситуацию связаны с возможностями роботизации и алгоритмизации коммуникативных процессов и практик. Начинается это с элементарного – с работы поисковых систем, когда пользователь редко доходит до сотой ссылки, ограничиваясь ссылками на первой странице, что только закрепляет лидирующее место этих ссылок для последующих пользователей. А изначальный интерес обеспечивается указанными выше факторами, выводя на первые позиции именно фэйковый контент. При этом алгоритмизация формирования, подачи и оценки информации вывела в сеть тысячи и тысячи ботов, которые порождают сегодня 60% трафика онлайн. И жаловаться, предъявлять претензии в этом случае не на кого и некому.

Кроме того, если в традиционном обществе люди полагались на авторитет жрецов, священников, как представителей и интерпретаторов высшей воли, если в обществе модерна они приучались опираться на собственное мнение, то маркетинг с опорой на Big Data смещает авторитетность. Влияние переходит к системам и алгоритмам обработки данных, которые, знают нас и о нас больше и лучше, чем мы сами. Именно на этом строится теория и технология «подталкивания» (nudge), регулируемого поведения в коммерческом и политическом маркетинге [27].

Наши cookies поведают о нас больше, чем аватар из Metaverse или личный дневник. Политика конфиденциальности данных и управление ими – вопрос не менее острый, чем реальная политика, и в нем заинтересованы как государственные, так и частные организации. Стало очевидно, что бесконечные пользовательские соглашения и запросы

веб-сайтов на сбор cookie – это прошлый век. Сейчас данные собирают в самых неожиданных местах. Зачастую незаметно для пользователя. Цифровые архивы наших действий и предпочтений обновляются в виртуальной и дополненной реальностях, будь то с помощью устройств IoT на городских улицах или же в наших собственных квартирах – да-да, голосовые помощники и роботы-пылесосы тоже знают кое-что о нас.

Полученные персональные данные используются для обучения нейронных сетей, а также для аналитики big data. Такая информация имеет обезличенный характер и используется для анализа.

В ситуации формализации информационной базы коммуникации возникает вопрос о возможности систематизации смысловых картин мира, их структурировании и привязке к социально-культурным практикам.

Многообразие видов социально-культурных практик может конкретизировано с помощью концепции ценностно-регулятивных систем (ЦРС). Такие системы определяются:

- ценностным компонентом, который складывается из предмета, целей и средств деятельности;
- нормативным компонентом, правилами, регулирующими осуществление деятельности;
- способом организации социальной практической деятельности.

Практически вся социально-практическая деятельность может быть представлена как совокупность ЦРС в сфере производства, быта, отдыха, науки и т.д. Работа, отдых, поездка в транспорте, научная конференция, обед в кафе – все это конкретные ЦРС [15, с. 52-62]. Понятие ЦРС раскрывает механизм культуры как системы внебиологического наследования опыта и информации, как системы хранения и трансляции идей, «социальной памяти», «исторической коллективной памяти», «надындивидуальной системой информации» и т.д. Участием в ЦРС осуществляется социализация личности как усвоение ею соответствующих программ социального опыта. В этом плане понятие ЦРС является фактически развитием и обобщением фундаментальной идеи Г. Фреге, рассматривавшего смысл как «способ данности» предмета [28]. Каждый из таких способов данности задается в соответствии с определенными критериями, т.е. рационально. Если рациональность понимать механизму социальной детерминации познания, представляющего собой устойчивую систему правил, норм и эталонов, принятых конкретным социумом для достижения социально-значимых целей, то эта трактовка также выражается в идее ЦРС, каждая из которых задает свой канон осмысления (логономию) [17; 18].

Специфической ЦРС является язык – социальная деятельность, реализующаяся в целях коммуникативного обслуживания других ЦРС, в том числе и самой себя. Опыт использования языка в конкретных ЦРС задает соответствующие дискурсивные практики, без освоения которых невозможно вхождение в сообщества: национальные, этнические, профессиональные, возрастные и т.п. В этой связи национальный язык (речь и письмо) оказывается путеводителем по совокупной системе ЦРС определенной культуры.

ЦРС ремесел, науки, искусства и т.д. дифференцировались и специализировались постепенно, по мере развития цивилизации и специализации видов деятельности. Это выражалось в выделении отдельных функций в самостоятельные виды деятельности, профессиональной закреплении людей за ними, соответствующих изменениях в системе образования и воспитания. Таким образом, возникают мотивированные изнутри субкультуры, смысловые картины мира. Взаимосвязь смыслового и социально-организационного аспектов развития ЦРС играет особую роль. Способ осмысления и организация социально-культурных практик неразрывно связаны и взаимостимулируют друг друга: динамика развития ЦРС выражает этапы институционализации от идей и неформального общения по их поводу до развитых институтов, вплоть до организаций и учреждений – в зависимости от регулярности и интенсивности коммуникации. Это позволяет рассматривать динамику институционализации смысловых структур как переход от личностного знания к знанию,

с одной стороны – все более распределенному, а с другой – формирующему общности единомышленников, вплоть до социальных институтов. На первых этапах институционализации ведущую роль играет смысловой аспект, на поздних – социальный. Поэтому институционализированные формы осмысления, рутинизированные в некоторые профессии, специальности и дисциплины, представляют собой отлившиеся в институционные формы социальной организации виды осмысления. С этой точки зрения, как писал С. Тулмин, каждое научное понятие – это интеллектуальный зародыш научно-исследовательского института или лаборатории, а последние – суть институционализированные понятия [29]. Аналогичные стадии проходят ЦРС в бизнесе, политике, религии, искусстве. Поэтому, в принципе, концепция ЦРС дает ответ на главный вопрос институционализма в теории экономической социологии, политологии [30] – как формируются социальные институты.

Современные коммуникативные технологии создают уникальную ситуацию. С одной стороны, это возможность глубокой дивергенции ЦРС различного уровня и практик. С другой – возможность их пересечения и наложения.

В этом плане показательны возникающие неоднозначные кейсы оценки транслируемого контента. Так, 5 декабря 2021 года председатель Следственного комитета РФ А. Бастрыкин поручил своим подчиненным провести доследственную проверку по факту обращения к нему «группы патриотов» о необходимости проверить творчество музыкантов Нойза МС (Иван Алексеев) и Оксимирона (Мирон Федоров) на реабилитацию нацизма, экстремизм и негативное отношение к сотрудникам правоохранительных органов [31]. Оказалось, что обращение к Председателю СКР было опубликовано оппозиционным блогером Д. Якушевым в его ЖЖ. Сам Якушев расценивал это «обращение» как характерную для стилистики его блога сатирическую шутку, в которой он называл деятельность рэперов более опасной, чем «расширение НАТО», и обвинял Оксимирона в том, что он «сексуально оскорбил» одного известного политолога. В тот же вечер Якушев в том же ЖЖ просил остановить проверку [32]. Однако, как выяснилось, было это заявление шуткой или нет, значения не имеет. Мнение самого заявителя о наличии или отсутствии чего-то запрещенного не влияет на проверку артикулированного правонарушения. Не влияет на ситуацию и то, что текст не отправлялся в СКР, а был просто опубликован в ЖЖ. Главное, что он был зафиксирован в процессе мониторинга, построенной на ключевых словах и формальном анализе текста. И эта система не различает – юмор это, сатира это, сарказм, баг в системе или обычный случай.

Приведенный случай не единичен. С точки зрения закона, в судебной практике механизм различения серьезного заявления и шутки практически не работает – особенно, если при этом выявляется оскорбление чьих-то чувств. Все зависит или от достаточно сложной лингвистической и этической экспертизы и последующей интерпретации судом, который может оценкой экспертизы воспользоваться или нет.

Таким образом, сетевые коммуникации создают, если не приумножают, конфликты различных смысловых картин мира, связанных с различными ЦРС.

Возникает вопрос о возможности выработки (нахождения) некоего «общего знаменателя» таких множеств ЦРС. И это не только проблема этакого суверенного смыслового «блокчейна», некоей суверенной платформы распознавания и идентификации смыслов, которая представляется практически нереализуемой на таком пластичном и динамичном материале, как социальная коммуникация, изначально предполагающая субъектность, прокреативность участников. Фактически речь идет об аналоге теоремы Гёделя – о невозможности полной формализации человеческого знания, в то числе – транслируемого в коммуникации. И если это относится даже к наиболее точному знанию – математическому, то в еще большей степени – к знанию гуманитарному, включая историческое, не говоря уже о таком пластичном феномене, как историческая память с ее, несколькими лагами динамики.

Поэтому решение задачи видится в учете этого неформализуемого «остатка», а скорее – ядра коммуникации, т.е. учете личностного фактора.

4. Безопасность и ответственность: социальный контроль vs парресия

Выявляется сущность проблемы фейков и постправды – дело не столько в фактчекинге (верификации) транслируемого контента, сколько в ответственности за этот контент. Если коммуникация мотивирована, интенциональна, то главным в ней становится вменение намерений, породивших контент. Понимание другого – суть понимания не столько значения используемых им слов, сколько намерений, с какими он вступил в общение. И это глубже, чем фактчекинг. Вменение – это установление субъектности, «точки сборки» ответственного самосознания, когда «невозможно заставить себя верить во что-то, одновременно зная, что это ложь. Поэтому самообман не может существовать. Попытки разрешить парадокс, как обманщику обмануть себя, не имели успеха. Эти попытки обычно включали создание разделенного себя, рассматривая одного из них неосознающим» [33].

Такое вменение может оказаться трудно выполнимым. Намерения, как уже отмечалось, могут быть связаны с наивностью, повышенной эмоциональной реакцией на происходящее. Так, в приведенном выше случае со школьницей-прогульщицей, ее отец, по его словам, не желал вреда учителю, а только «хотел быть хорошим отцом». Или намерения могут тщательно скрываться, как и автор, который может быть вымышлен, обозначен неким псевдонимом, ником. Поэтому в адресанте при серьезной аналитике следует различать автора и актора-инициатора. Причем такой инициатор может тщательно скрываться. И тогда задача разрастается до выявления источника намерений создания данного контента, субъективация подлинного актора, скрывающегося за реальными и вымышленными авторами. В случае исторического материала такая аналитика может стать делом поколений исследователей.

Или, в силу возможностей и масштабов вовлечения участников в современные сетевые коммуникации, такое вменение оказывается распределенным, что также оказывается задачей достаточно сложной. Так, в рассмотренном выше кейсе с школьницей-прогульщицей, убийство Пати следствием было расценено как террористический акт. Обвинение было предъявлено 12 лицам: девочке; ее отцу, устроившему кампанию в сети; активисту, который вывел эту кампанию на новый уровень; друзьям Анзорова, подвизившим его до колледжа и знавшим о его намерениях; ученикам колледжа, показавшим за 300 евро Анзорову Пати, который не скрывал, что намерен навредить учителю. Школьница была помещена под надзор правоохранительных органов и в другое учебное заведение. Распределение такой ответственности, ее степени, задача, с очевидностью, нетривиальная. С особой остротой это выявилось во время коронавирусной пандемии, когда для людей, оказавшихся в условиях карантина, основным источником информации стал Интернет. Ранее был представлен подробный обзор этой неоднозначной ситуации [34]. А поскольку экзистенциальные угрозы всегда были, останутся главной новостью для человека и человечества, в сеть обрушился поток домыслов и слухов, которые вызвали повышенный интерес и внимание – особенно на фоне противоречивых заявлений официальных инстанций. Якобы «инсайдерские сведения из компетентных источников» пугали людей дикой статистикой, странными рекомендациями, не говоря о реализации всемирного заговора во главе с Б. Гейтсом по сокращению численности населения. В результате яростного и бессмысленного уничтожения вышек 5G, «распространяющих инфекцию» был нанесен колоссальный ущерб инфраструктуре коммуникации. Современные технологии дают исключительные возможности контроля информационного потока, манипулирования им, а «наличие большого числа дезинформированных людей в обществе является абсолютно разрушительным...» [35]. Эта тенденция чревата стрессами и конфликтами.

В сочетании с пропагандой прав человека, с нарушением баланса прав и ответственности возникает агрессивная коммуникативная среда, подпитывающая буллинг, киберсталкинг, ущерб и угрозы репутации, здоровью, имуществу, жизни... И в ситуации дивергенции смысловых картин мира, взаимного недоверия, перегретых сетевым самовозбуждением ожиданий достаточно искры...

Поэтому правительства были вынуждены включиться в борьбу с такой информацией. Первыми такие меры в форме запретов, штрафов и уголовной ответственности приняли правительства России, Соединенного Королевства, Китая. Спустя несколько месяцев такие меры приняли Иран, Саудовская Аравия, Египет, Турция, ряд Балканских государств. Генеральная Прокуратура РФ регулярно требует заблокировать то ролики о чипировании населения, то статьи о российском происхождении коронавируса, то сетевое сообщество противников самоизоляции, то ролики об узурпации власти олигархами [36].

В большинстве стран мониторинг, контроль контента возложены на онлайн-платформы: если предписания не исполняются, то к ним применяются штрафные санкции, доходящие до 5 млн евро. Еврокомиссия разрабатывает проект законодательного акта Digital Service Act, призванного регулировать прозрачность соцсетей и интернет-компаний.

Некоторые провайдеры и агрегаторы новостей стали бороться с фейками самостоятельно, без напоминаний и контроля со стороны государства. Первым приступил к такой практике Facebook, затем к нему стали подтягиваться и другие. Ярким примером стала блокировка аккаунтов Д. Трампа, после штурма Капитолия его сторонниками. В России агрегатор Дзен также занялся очисткой контента от фейков с помощью журналистов [37].

Разумеется, без таких практик запретов и контроля не обойтись. Однако ограничение ими недостаточно, а то и опасно. И они не всегда находят поддержку, а иногда трактуются и воспринимаются как ущемление прав и вызов демократии. Дело не только и не столько в внешнем контроле, который опытные манипуляторы уже научились использовать. Ключевым является баланс между нормативным регулированием и саморегулированием участников современной публичной коммуникации – не только провайдеров, но и самих производителей и потребителей контента. Не стоит забывать, что конфликты (в том числе, международные) вызревают сначала в головах и в коммуникации. И если раньше кризисы были обусловлены недостаточностью информации, то в информационном обществе кризис сопровождается (а часто и вызывается) переизбытком информации, транслируемой медиа. Такая ситуация способствует нарастанию недоверия в социуме. Динамика публичного COVID-дискурса продемонстрировала этот дисбаланс и его последствия особенно отчетливо.

В этой связи ответственность за отбор и критерии достоверности сместились от источника к адресату, реципиенту, который к этому не готов или даже просто не хочет этим заморачиваться. Разрешение конфликтов, преодоление стрессов предполагает стереометричное и даже стереоскопичное восприятие информации, возможно, нелинейную культуру получения и формирования более полной картины происходящего и его осмысления. И формирование такой культуры еще только начинается.

Поэтому важную роль играет просвещение самих участников коммуникации, ее адресантов и адресатов [38]. По этому пути пошли Нидерланды, Дания, Швеция. В 2018 году в России военными службами были разработаны Методические рекомендации по разоблачению фейковых обвинений в адрес ВКС России в Сирии [39].

Более того, возникает запрос на ответственную речь, реализуемую не только посредством социального контроля, но и с помощью самостоятельной фильтрации информационного потока, стремления к источникам достоверной информации, персонам ее ответственно представляющим. Помимо технологических и институциональных мер, все большую роль и значение играет самоограничение и личная ответственность не только политиков, экспертов, журналистов, блогеров, других лидеров общественного мнения, но и со стороны их аудитории, отдельных пользователей.

Расширение доступности публичной коммуникации в сочетании с идеей прав на свободу самовыражения создали дисбаланс между правами и ответственностью. В ситуации прямой трансляции эмоционально-оценочных переживаний, приводящих иногда к драматическим трагическим последствиям, оказывается, что автор ничего не утверждал, а только высказывал свое мнение, на которое он имеет право.

Можно говорить о созревании условий пересмотра оценки М. Фуко перспектив концепта парресии применительно к современным дискурсивным практикам [40]. Не исключено, что речь может идти о возрождении феномена парресии как ответственного публичного слова, реализующего публичную речь как поступок (вменяемое действие), в новом формате и масштабе – ответственности не только за транслируемый контент, не только за последствия его трансляции, но и, прежде всего, – за сам факт взятия слова [41]. Ответственность за взятое слово – вызов морали коммуникации, если не новое ее качество или просто новая мораль.

Таким образом, практики современной коммуникации выводят на первый план проблему ответственности в ее комплексном выражении – как интеграцию социального контроля в правовом и моральном формате с личностным выбором в истоке, процессе и результате коммуникации.

5. Ergo: в качестве заключения

Проведенное рассмотрение выявило вектор (тенденцию) трансформации социальной коммуникации с акцентирования трансляции социальных (нормативных) значений на презентацию личностных смыслов (эмоционально-оценочных мнений и переживаний). Такая смена акцентуации в публичном пространстве порождает проблему баланса между институтом свободы слова и совести, техническими возможностями их выражения – с одной стороны, и необходимостью жесткого контроля в информационном пространстве, критической массы безответственной информации, несущей угрозы личной и институциональной безопасности, репутации, другие издержки. Верификация или опровержение этого контента зависит от социально-культурного контекста ценностно-регулятивных систем (ЦРС), определяющих смысловую картину мира. Этим контекстом и задается представление о том, чем является значимая реальность для данной общности. Но при интенсивном взаимодействии таких смысловых картин мира («смысловых коконов»), каковым является современная цифровая коммуникация, возникает нетривиальная проблема результатов этого взаимодействия и ответственности за эти результаты. Что выражается в необходимости нового осмысления ответственности – не только как социального института, но и проявления субъектности, как источника, средства и результата социальной коммуникации.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, грант № 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования».

Литература

- [1] «Политика постправды» и популизм / под ред. О.В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2018. 216 с.
- [2] Bisnoff J. Fake Politics: how corporate and government groups create and maintain a monopoly on truth. N.Y.: Skyhorse Publ., 2019. 229 p.
- [3] Alker H.R., jr. Political Methodology, Old and New // A New Handbook of Political Science / ed. by Robert E. Goodin and Hans-Dieter Klingemann. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 787–799.

- [4] Анкерсмит Ф.Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 432 с.
- [5] Кламер А. Странная наука экономика. Приглашение к разговору. М.; СПб.: Ин-т Гайдара, 2015. 336 с.
- [6] Макклоски Д. Риторика экономической науки. М.; СПб.: Ин-т Гайдара, 2015. 328 с.
- [7] Петренко В.Ф. Конструктивизм как методология множественности модельного описания и конструирования в познании // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность. М.: МГУДТ, 2016. Ч. 1. С. 221–229.
- [8] Тульчинский Г.Л. Объяснение в политической науке: конструктивизм vs позитивизм // Публичная политика. 2017. № 1. С. 76–98.
- [9] Шапиро И. Бегство гуманитарных наук от реальности. М.: ВШЭ, 2011. 368 с.
- [10] Searle. J. The construction of social reality. – N.Y.: Free Press, 1995. 256 p.
- [11] Zolyan S. On pragma-semantics of expressives. Between words and actions. // Studies at the Grammar-Discourse Interface /ed. by A.Haselow, S.Hancil. Amsterdam: J.Benjamins Publ., 2021. P. 245-271.
- [12] Между миром и языком: текст и смысл в коммуникативном контексте. Коллективная монография / под. ред. С.Т. Золяна и Г.Л. Тульчинского. Калининград: БФУ, 2022.
- [13] Соколов Э.В. Культура и личность. Л.: Наука, 1972. 228 с.
- [14] Розов М.А. Проблемы эмпирического анализа научных знаний. Новосибирск: Наука, 1977. 222 с.
- [15] Тульчинский Г.Л. Тело свободы: Ответственность и воплощение смысла. СПб.: Алетейя, 2019. 470 с. С. 42-44, 52-62.
- [16] Hodge R., Kress G. Social Semiotics. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1988. 280 с.
- [17] Ильин М.В. Логономические системы: рефлексия, осмысленность и вербализация действия // Социальная семиотика: точки роста. СПб.: Скифия принт, 2020. С. 30-32.
- [18] Фомин И.В., Ильин М.В. Социальная семиотика: траектории интеграции социологического и семиотического знания // Социологический журнал. 2019. Том 25. № 4. С. 123-141.
- [19] Социальная семиотика: точки роста. СПб.: Скифия-принт, 2020. 156 с.
- [20] Тульчинский Г.Л. Расширение возможностей семиотического анализа: источники и содержание концепции «глубокой семиотики» // Вопросы философии. 2019. № 11. С. 115-125.
- [21] Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М.: Издательство иностранной литературы, 1963. 830 с.
- [22] Демидкина К. Бесконечная ликвидация // URL: <https://www.forbs.ru/karera-i-svoy-biznes/408707-beskonechnaya-likvidaciya-kak-yuvelirnaya-set-sunlight-zarabotala> (дата обращения 18.04.2022).
- [23] France2: даже не присутствовала. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2021-03-09/France-2-dazhe-ne-prisutstvovala> (дата обращения 13.03.2022).
- [24] Золян С.Т., Пробст Н.А., Сладкевич Ж.Р., Тульчинский Г.Л. Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность. СПб.: Алетейя, 2021. 288 с.
- [25] Howard P.N., Woolley S., Calo R. Algorithms, bots, and political communication in the US 2016 election: The challenge of automated political communication for election law and administration. // Journal of Information Technology & Politics. 2018. Vol. 15 (2). P.81-93.
- [26] Woolley S.C., Howard P.N. Automation, algorithms, and politics/political communication, computational propaganda, and autonomous agent — introduction. // International Journal of Communication. 2016. Vol. 10. P. 4882-4890.
- [27] Талер Р., Санстейн К. Nudge: Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 240 с.
- [28] Frege G. Über Sinn und Bedeutung // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. 1892. S. 25-50.
- [29] Тулмин С. Человеческое понимание. М.: Прогресс, 1984. 328 с.

- [30] Норт Д., Уоллис Д., Вайнгайт Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Ин-т Гайдара, 2011. 480 с.
- [31] СК проверит творчество Noize MC и Oxxxymiron по заявлению граждан // <https://tass.ru/obschestvo/13115963> (дата обращения: 18.04.2022)
- [32] Николаев П. Блогер в шутку призвал проверить песни Oxxxymiron и Noize MC. СК начал проверку. URL: https://www.gazeta.ru/culture/2021/12/05/a_14282875.shtml (дата обращения 18.04.2022)
- [33] Bandura A. Self-deception: A paradox revisited // Behavioral and brain sciences. 2011. Vol. 34 (1). P. 1-56.
- [34] Tulchinskii G.L. The dynamics of public discourse during the coronavirus pandemic: a request for responsibility // Russian Journal of Communication. 2020. Vol. 12 (3). P. 193-214.
- [35] Gray R. Lies, propaganda and fake news: a challenge for our age. 2017. URL: www.bbc.com/future/story/20170301-lies-propaganda-and-fake-news-a-grand-challenge-of-our-age (дата обращения 01.09.2021).
- [36] Генпрокуратура требует заблокировать ролики о чипировании населения. URL: <http://politsovet.ru/66355-genprokuratura-trebuat-zablokirovat-roliki-o-chipirovanii-naseleniya.html> (дата обращения: 26.02.2022).
- [37] Болецкая К. «Яндекс.Дзен» начинает проверку фейков. В этом ему помогут профессиональные журналисты. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2020/08/31/838357-yandeksdzen-proverku> (дата обращения: 15.11.2021).
- [38] Miller M. Fake News: separating truth from fiction. Twenty-First Century Books, 2019. 172 p.
- [39] Методические рекомендации по разоблачению фейковых обвинений в адрес ВКС России в Сирии. 2018. URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/135803/> (дата обращения: 18.10.2021).
- [40] Фуко М. Речь и истина. Лекции о парресии (1982-1983). М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2010. 384 с.
- [41] Тульчинский Г.Л. Радость/печаль узнавания позитивизмом «постправды» и возможности ее фильтрации // Политика постправды в современном мире / под ред. О.В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2018. С. 238-241.

Pragmasemantics of Digital Communications: Semantic Worldviews, Value-Regulatory Systems and Responsibility

G.L. Tulchinskii

National Research University Higher School of Economics - St. Petersburg,
Immanuel Kant Baltic Federal University

The digital format shifts the focus of social communication from the transmission of social (normative) meanings to the presentation of personal meanings (emotional and evaluative opinions and experiences). This raises the problem of balance between, on the one hand, the institution of freedom of speech and conscience, the technical possibilities of their expression, on the other hand, the need to ensure personal and institutional security, minimize reputational risks, and other costs. The content verification depends on the socio-cultural context, the corresponding semantic worldviews, i.e. ideas about meaningful reality that are characteristic of this community. The formalizing information base situation generates the question about the possibility of systematizing semantic worldviews, their structuring and linking to socio-cultural practices. The proposed concept of value-regulatory systems (VRS) allows us to operationalize the idea of semantic worldviews, as well as provide a basis for their systematization.

Modern communication technologies create a unique situation. Firstly, this is the possibility of deep divergence of VRSs on different levels and practices. Secondly, this is the possibility of their

intersection and overlap. Network communications create, if not multiply, conflicts between different semantic worldviews associated with different VRSs. Thus, a non-trivial problem arises of the results of this interaction and responsibility for these results. This is expressed in the need for a new understanding of responsibility - not only as a social institution, but also as a manifestation of subjectivity, as a source, means and result of social communication.

Keywords: responsibility, pragma-semantics, semantic worldviews, social communication, fakes, value-regulatory systems, digitalization

Reference for citation: Tulchinskii G.L. Pragmasemantics of Digital Communications: Semantic Worldviews, Value-Regulatory Systems and Responsibility // The State and Citizens in the Electronic Environment. Vol. 6 (Proceedings of the XXV International Joint Scientific Conference «Internet and Modern Society», IMS-2022, St. Petersburg, June 23-25, 2022). – St. Petersburg: ITMO University, 2021. P. 09 – 23. DOI: 10.17586/2541-979X-2022-6-09-23.

Reference

- [1] “Politika post-pravdy” i populism [“Post-truth politics” and populism] / ed.by O.V. Popova. St.Petersburg: Skifija-print, 2018. 216 p. (In Russian).
- [2] Bisnoff J. Fake Politics: how corporate and government groups create and maintain a monopoly on truth. N.Y.: Skyhorse Publ., 2019. 229 p.
- [3] Alker H.R., jr. Political Methodology, Old and New // A New Handbook of Political Science / ed. by Robert E. Goodin and Hans-Dieter Klingemann. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 787–799.
- [4] Ankersmit F.R. Aesthetic policy. Political philosophy on the other side of fact and value, per s angl. D. Kralechkina; pod nauch. red. I. Borisovoi; Nats. issled. un-t "Vysshiaia shkola ekonomiki". Rus. Ed. Moscow, Izd. dom Vyshei shkoly ekonomiki Publ., 2014. 432 p. (In Russian).
- [5] Klamer A. Strange science economics. Invitation to conversation. Moscow, St. Petersburg, Gaidar Institut Publ., 2015. 344 p. (In Russian).
- [6] McCloskey D. Rhetoric of economics. Rus. Ed. Moscow, St. Petersburg, Gaidar Ins-t Publ., 2015. (In Russian).
- [7] Petrenko V.F. The Constructivism Paradigm in Humanities. Metodologija i istorija psihologii. 2010. Vol. 3, P. 5-12. (In Russian).
- [8] Tulchinskii G.L. Explanation in political science: constructivism vs positivism. Publichnaja politika. 2017, № 1. P. 76-98. (In Russian).
- [9] Shapiro I. The Flight from Reality in the Human Sciences. Moscow, Izdat.dom Higher School of Economics Publ., 2011. 368 p. (In Russian).
- [10] Searle. J. The construction of social reality. – N.Y.: Free Press, 1995. 256 p.
- [11] Zolyan S. On pragma-semantics of expressives. Between words and actions. //Studies at the Grammar-Discourse Interface /ed. by A.Haselow, S.Hancil. Amsterdam: J.Benjamins Publ., 2021. P. 245-271. (In Russian).
- [12] Mezhdum mirom i jazykom: tekst i smysl v kommunikativnom kontekste. Kollektivnaja monografija [Between the world and language: text and meaning in a communicative context. Collective monograph] / ed.by S.T.Solyan & G.Tulchinskii. Kaliningrad: BFU, 2022. (In Russian).
- [13] Sokolov E.V. Kultura i lichnist'. Leningrad: Nauka, 1972. 228 p. (In Russian)
- [14] Rozov M.A. Problemy empiricheskogo analiza nauchnykh znaniy. Novosibirsk: Nauka, 1977. 222 p. (In Russian).
- [15] Tulchinskii G.L. Telo svobody: otvetstvennost' i voploshchenie smysla. Sankt-Petersburg: Aleteja, 2019. 470 p. (In Russian).
- [16] Hodge R., Kress G. Social Semiotics. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1988. 280 p.

- [17] Il'in M.V. Logonomicheskie sistemy: refleksija, osmyslennost' i verbalizatsija dejstvija // Sotsial'naja semiotika: tochki rosta. Sankt-Petersburg: Skifija-print, 2020. P. 30-32. (In Russian).
- [18] Fomin I.V., Il'in M.V. Sotsial'naja semiotika: traektorii integratsii sotsiologicheskogo i semioticheskogo znaniya // Sotsiologicheskij zhurnal. 2019. Tom 25. № 4. P. 123-141. (In Russian).
- [19] Sotsial'naja semiotika: tochki rosta. [Social semiotics: points of growth]. St.Petersburg: Skifija-print, 2020. 156 p. (In Russian).
- [20] Tulchinskii G.L. Rasshirenie vozmozhnostej semioticheskogo analiza: istochniki i sodержanie kontseptsii "glubokoj semiotiki" [Expanding the Possibilities of Semiotic Analysis: Sources and Content of the Concept of "Deep Semiotics"] // Voprosy filosofii. 2019. № 11. P. 115-125. (In Russian).
- [21] Shannon K. Raboty po teorii informatsii i kibernetike. Moscow: Izdatel'stvo inostranoj literatury, 1963. 830 p. (In Russian).
- [22] Demidkina K. Beskonechaja likvidatsija // URL: <https://www.forbs.ru/karera-i-svoy-biznes/408707-beskonechnaya-likvidaciya-kak-yuvelirnaya-set-sunlight-zarabotala> (дата обращения 18.04.2022). (In Russian).
- [23] France2: dazhe ne prisutstvovala. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2021-03-09/France-2-dazhe-ne-prisutstvovala> (access date 13.03.2022). (In Russian).
- [24] Zolyan S.T., Probst N.A., Sladkiewicz Z.R., Tulchinskii G.L. Fejki: kommunikatsija, smysly, otventstvennost'. Sankt-Petersburg: Aleteja, 2021. 288 p. (In Russian).
- [25] Howard P.N., Woolley S., Calo R. Algorithms, bots, and political communication in the US 2016 election: The challenge of automated political communication for election law and administration. // Journal of Information Technology & Politics. 2018; 15 (2), P. 81-93.
- [26] Woolley S.C., Howard P.N. Automation, algorithms, and politics/political communication, computational propaganda, and autonomous agent — introduction. // International Journal of Communication. 2016; 10, P. 4882-4890.
- [27] Taler R., Sunstein K. Nudge: arkhitektura vybora. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2016. 240 p. (In Russian).
- [28] Frege G. Über Sinn und Bedeutung // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. 1892. P. 25-50.
- [29] Tulmin S. Chelovecheskoe ponimanie. Moscow: Progress, 1984. 328 p. (In Russian)
- [30] Nort D., Wallis D., Weingast B. Nasilie i sotsialnye porjadki. Moscow: Gaydar Institut, 2011. 480 p. (In Russian).
- [31] SK proverit tvorcestvo Noize MC i Oxxxymiron po zajavleniju graxhdan // <https://tass.ru/obschestvo/13115963> (access date: 18.04.2022) (In Russian).
- [32] Nikolaev P. Blogger v shutku prizval proverit' pesni Oxxxymiron i Noize MC. SK nachal proverku. URL: https://www.gazeta.ru/culture/2021/12/05/a_14282875.shtml (access date 18.04.2022).
- [33] Bandura A. Self-deception: A paradox revisited // Behavioral and brain sciences. 2011. Vol. 34. № 1. P. 1-56.
- [34] Tulchinskii G.L. The dynamics of public discourse during the coronavirus pandemic: a request for responsibility // Russian Journal of Communication. 2020. Vol.12 (3). P. 193-214.
- [35] Gray R. Lies, propaganda and fake news: a challenge for our age. 2017. URL: www.bbc.com/future/story/20170301-lies-propaganda-and-fake-news-a-grand-challenge-of-our-age (access date 01.09.2021).
- [36] Genprokuraturas trebuat zablockirovat' roliki o chipirovanii naselenija. URL: <http://politsovet.ru/66355-genprokuratura-trebuat-zablokirovat-roliki-o-chipirovanii-naseleniya.html> (access date: 26.02.2022). (In Russian).
- [37] Boletskaja K. "Yandex.Dzen" nachinaet proverku fejkov. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2020/08/31/838357-yandeksdzen-proverku> (access date: 15.11.2021). (In Russian).

- [38] Miller M. Fake News: separating truth from fiction. Twenty-First Century Books, 2019. 172 p.
- [39] Metodicheskie rekomendatsii po razoblacheniju fejkovykh obvinenij v adres VKS Rossii v Sirii. 2018. URL: // <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/135803/> (access date: 18.10.2021). (In Russian).
- [40] Foucault M. Rech' i istina. Lektsii o parresii (1982-1983). Moscow.: Delo, 2010. 384 p. (In Russian).
- [41] Tulchinskii G.L. Radost'/pechal' uznavanija pozitivizmom "pst-pravdy" i vozmozhnosti ejo fil'tratsii // "Politika post-pravdy" i populism ["Post-truth politics" and populism] / ed. by O.V.Popova. St.Petersburg: Skifija-print, 2018. P. 238-241. (In Russian).